(независимо от степени обоснованности его критики), всегда *покажется* умнеее того, кто восторгается. Однако я никогда не прибегал и к этому способу.

* * *

Я начал свою первую книгу цитатой из записок Шлика о том, что философ не всегда философ, и замечанием, что философ, пожалуй, меньше всего философ, когда занимается философией. Теперь, заканчивая, хочу отнестись к сделанному именно как философ. Главная цель — уяснить себе самому, по мере возможности, «что все это значит» — как будто достигнута. Остальное — публикация, признание — не должно интересовать философа как такового. Но если подойти с таким критерием, то надо признать, что многое еще сыровато, недоработано, лишь бегло намечено и т. п., что слишком явственно проступают условия, в которых все это создавалось. Если исходить из того, что здесь все же имеется нечто, заслуживающее внимания (автору естественно и простительно не думать иначе), то необходимо еще признать наличие дополнительных трудностей, связанных с самим содержанием. Везде требуется не критическое, а благочестивое мышление, хотя это благочестие понимается в разных местах весьма и весьма по-разному. В континентальном климате произрастает хорошая художественная литература, хорошая литературная критика и эссеистика, довольно слабая религиозная публицистика, интересные мемуары, но с трудом пробивается свободная «неангажированная» философская мысль — может быть из-за отсутствия спроса, а может быть из-за отсутствия интереса со стороны тех, кто решает.

1974—1975 гг.

К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ М. К. ПЕТРОВА «РОЛЬ ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ»

В. И. Молчанов

Михаил Константинович Петров (1923—1987) известен сравнительно небольшому кругу специалистов как автор статей по античной философии, науковедению, истории науки и научно-технической революции, но еще не известен ни этому, ни более широкому кругу лиц как крупный мыслитель, имевший свое ви́дение человеческой истории, общества, философии, науки, образования, языка. Это не означает, конечно, что в каждой из этих областей М. К. Петров совершил ряд эпохальных открытий. Дело

в другом: осмысление процесса усвоения и трансляции умений и знаний в различных типах обществ, исследование феномена науки и научно-технической революции, выявление роли философии в становлении европейской культуры и роли языка в становлении самой философии, проблемы воспитания и образования образуют у М. К. Петрова единый комплекс проблем, «замкнутый», как он любил выражаться, на природу человеческой творческой активности.

Как бы ни оценивать научно-технический прогресс, меняющийся образ человека и современную социальную реальность, вопрос остается: каковы первичные условия изменения поведенческой и знаковой деятельности людей? Ложная альтернатива, которую стремился снять М. К. Петров, состоит в следующем: или мы, пользуясь его выражением, «на побегушках у мирового духа», или же мы влекомы объективным ходом истории с его независимыми от нас экономическими законами, с его «железной» необходимостью. И в том, и в другом случае над человеком довлеют знаки, им же самим созданные — Логика, История, Закон. Вопросы, которые ставил перед собой М. К. Петров, относятся к разряду фундаментальных. Как преемственность в истории общества и культуры сочетается с творческой деятельностью людей? Как объяснить возникновение новой культуры? Быть может разрушением старой? Можно ли объяснить рождение греческой культуры разрушением Микенской, нашествием завоевателей и т. п.? Но разрушением старого новое не создается: такая простая, но, видимо, еще не для всех очевидная предпосылка была ориентиром в его исследовании комплекса хозяйственных, политических, военных и других ситуаций на многочисленных островах Эгейского моря.

Гипотеза М. К. Петрова: новое общество рождается благодаря *изобретению*, а именно *появлению* многовесельного корабля в островной цивилизации греков, что породило полифункциональность человека греческого общества.

Пожалуй, никто не будет оспаривать, что человек изменяет свой образ или способ жизни, когда обстоятельства вынуждают его к этому. Однако то, что человек изначально обладает творческой природой, что уже овладение языком — это творческий акт, признается далеко не всеми. На словах можно, конечно, отказаться от абсолютного духа и от «железных» законов истории и принять постулат Петрова «постулат монополии человека на все виды знакового творчества, в том числе исторического», однако последовательно переосмыслить с этой точки зрения предмет философии и истории философии, роль языка в познании и социальной практике, проблемы социального кодирования, вопросы образования и взаимодействия культур — задача значительно более сложная.

Видимо, придется в этом случае отказаться от гегелевского понимания связи языка и мышления, от гегелевского понимания истории философии, когда каждая последующая эпоха мысли представляет собой истину предыдущей, отказаться от при-

вычки смотреть свысока на все предшествующие эпохи и другие культуры.

В 1969—1970 гг. М. К. Петров написал несколько больших статей, тема которых «Язык и история философии». Насыщенные историко-культурным и лингвистическим материалом они могли бы составить отдельную монографию. Читатель найдет в предлагаемой статье общую концепцию М. К. Петрова, выраженную в виде развернутых тезисов, его понимание особенностей европейской культуры, рассмотрение вопроса о становлении универсального типа культуры на материале древнегреческой философии. Вне данной статьи остается критика гегелевского понимания связи языка и мышления, детальное обсуждение эволюции предмета философии, вопросы формирования субъектно-объектной оппозиции от Аристотеля до Гоббса, интерпретация христианского понимания истории и многие другие проблемы, которые, подчеркнем еще раз, замкнуты у М. К. Петрова на проблеме преемственности, творчества и трансляции умений и знаний в различных типах культур.

Творческая активность — характерная черта самого Михаила Константиновича. Глубокая эрудиция, которой он обладал, никогда не была у него самоцелью, но средством постановки основной для него проблемы: каким должен быть социум, который бы позволял людям «жить сообща», т. е. понимать друг друга (проблемы образования), и не препятствовал бы творчеству (критика знакового фетишизма).

Думается, что никакое преобразование экономики не поможет единению общества, система образования которого направлена скорее на разъединение людей. По мысли М. К. Петрова, учебники-введения в лучшем случае способствуют выбору одной из наук для дальнейшего изучения, но не способствует тому, чтобы после окончания средней школы человек обладал запасом общих идей, позволяющих ему активно участвовать в социальной жизни. Это усугубляется слишком ранним разведением по профессиям (так называемой производственной практикой), отказом от классического образования (греческий и латынь), изучением практически только родного языка и литературы (иностранные языки в школе — в масштабах страны, исключая столицы и некоторые крупные центры — до сих пор фикция) и т. д. Основой нескольких монографий по вопросам образования, написанных М. К. Петровым в последние годы жизни, является его концепция роли языка в формировании возможности общения.

Михаила Константиновича отличали сдержанность и чувство юмора, мужество и открытость, готовность помочь, неподдельная скромность и преданность истине. Последние два качества — редкость чрезвычайная, причем преданность истине означает довольно простую логически и очень трудную практически вещь: написать и сказать то, в чем убежден, то, что составляет результат твоего научного поиска, то, что выражает твою гражданскую позицию. Повесть «Экзамен не состоялся», посланная Н. С. Хруще-

ву в 1960 г., должна была по замыслу автора послужить началом дискуссии о внутрипартийной демократии перед XXII съездом партии. В качестве ответа первичная партийная организация Ейского военного училища, где он в то время работал начальником кафедры иностранных языков, получила указание исключить М. К. Петрова из рядов КПСС. В этой интересной и ярко написанной повести, опубликованной только после смерти автора (Дон. 1989. № 6—7), содержится, в частности, предложение вести анонимную партийную дискуссию, что может послужить как бы постоянным органом критики и контроля ЦК: «Каждый член партии имел бы право высказываться по всем вопросам программы и устава, но не имел бы права раскрывать своего имени» (Дон. 1989. № 6. С. 124).

Михаил Константинович отнюдь не был Дон-Кихотом. Он ясно и отчетливо понимал, что зачастую перед ним ветряные мельницы, которые пытаются выдать себя за рыцарей. Он принимал эту опасную игру и обращался с ними как с рыцарями, стараясь пробить заскорузлое нагромождение знаков-фетишей, никогда не теряя надежды на то, что другой человек в конце концов откликнется на призыв размышлять и обсуждать само «обстояние дел». И это не наивность, но уникальное человеческое качество — совершать поступки без функциональной подкладки, проживать не-двойственную душевную жизнь.

Возможность утвердить такое жизненное начало Михаил Петров получил уже в 1941 г., когда после первого курса Ленинградского кораблестроительного института на его долю выпала полная смертельных опасностей и приключений жизнь фронтового разведчика (Ленинградский фронт, 1941—1944). После окончания Военного института иностранных язчков, куда он был командирован для учебы в 1944 г., М. К. Петров сначала работал преподавателем этого института, а затем — начальником кафедры иностранных языков Ростовского артиллерийского училища. В 1956 г. он уволился в запас и поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. Сейчас уже трудно установить, когда были написаны первые работы М. К. Петрова. Его первые публикации появляются в газете «Унита» (серия статей «Русская наука») в 1957 г., и в том же году — в греческой газете «Новости» («Аристотель в русских переводах», «Работы русских ученых по истории Греции»). В «Вестнике древней истории АН СССР» (1959. № 4) публикуется его рецензия на книгу Дж. Томсона «Исследования по истории древнегреческого общества. II. Первые философы» (М., 1959), русский перевод которой появился уже после окончания работы над рецензией. Уже здесь М. К. Петров предстает как ученый, имеющий свое ви́дение античности, что не позволило ему (из-за разногласий с научным руководителем) защитить завершенную к 1959 г. диссертацию «Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода». К сожалению, его развернутая рецензия на русский перевод книги Томпсона так и не была опубликована.

Еще в аспирантуре, а затем во время работы в Ейске началось сотрудничество М. К. Петрова с коллективом «Философской

энциклопедии». В основном он писал небольшие статьи по античной философии, но кроме того, статьи «Наука о науке» и «Эклектика», в которых представлено другое направление его научных интересов.

После исключения из партии и увольнения с работы в 1962 г. начинается сравнительно короткий, но весьма насыщенный событиями период преподавания аглийского языка, а затем историко-философских курсов в Ростовском университете. М. К. Петров стал одним из пионеров науковедения в нашей стране. В 1967 г. он успешно защитил диссертацию «Философские проблемы „Науки о науке“», годом раньше вышел сборник статей в его переводе: Наука о науке (М., 1966).

Однако наступили другие времена: в 1970 г. уже не повесть, посланная в ЦК КПСС, но публикация статьи «Предмет и цели изучения истории философии» (Вопр. философии. 1969. № 2) и ее критика послужили основанием для идеологических обвинений. «Линии материализма—идеализма» легко одержали верх над проблемным истолкованием предмета философии и истории философии. «Дискуссию» завершили партийные органы: М. К. Петрова лишили права преподавания и уволили из Ростовского университета.

Из Европейского Университета Михаила Константиновича Петрова уволить уже никто не властен. За последние семнадцать лет жизни им написаны многочисленные статьи и несколько монографий, среди которых одна — 1700 страниц — является как бы итогом его творческой жизни. Хочется выразить надежду, что те, кто по достоинству оценит идеи М. К. Петрова, предпримут необходимые усилия для того, чтобы его труды нашли дорогу к читателю.

РОЛЬ ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ

М. К. Петров

Язык — универсальное средство общения, синхронной и диахронной коммуникации — образует знаковое условие деятельности и преемственного существования человеческих коллективов на всех этапах общественного развития. Язык намного древнее известных нам мировоззрений, во всяком случае древнее философии, генезис которой, при всех наших разногласиях по этому предмету, заведомо идет в обстановке развитой языковой коммуникации, предполагает сложившиеся каноны устной и письменной речи хотя бы уже потому, что генезис философии мы изучаем по древнейшим документам мировоззренческого толка, а сами эти документы без труда классифицируем как собственно философские и предфилософские — мифологические. Языковая коммуникация